

— Вот как, — отозвался Цзун Жуй. Усмыслив услышанное, он поймал себя на странном ощущении: это известие ничуть его не удивило.

Спокойствие Цзун Жуй лишь добавило Сы Юю тревоги. Сделав шаг ближе, он нерешительно спросил:

— Когда ты проснулся? Почему не позвал меня?

Цзун Жуй опустил взгляд и, не отрывая кисти от бумаги, негромко ответил:

— Ты спал.

— Ну да, пожалуй... — Сы Юй замялся. — Что ты пишешь?

— Оду «Шанлинь», — ответил Цзун Жуй. Последний иероглиф лег на бумагу — страница была закончена. Он отложил влажный лист рисовой бумаги в сторону и потянулся за чистым.

Сы Юй провожал его движения сложным, нечитаемым взглядом. Он и не подозревал, что Цзун Жуй внимательно следит за его реакцией через отражение.

Цзун Жуй издавна увлекался каллиграфией и частенько заглядывал на знаменитую пинчэнскую улочку торговцев искусством. Чаще всего он ходил туда за кистями, тушью и хорошей бумагой, но порой покупал и безделицы, к которым просто лежала душа. Круглое зеркало багуа, пылившееся на декоративной полке возле стола, было как раз из таких находок. Покупая его, Цзун Жуй вовсе не думал о фэншуй — просто полка казалась пустоватой, а зеркало пришлось кстати.

И вот старинный сувенир, несколько лет служивший обычным украшением, впервые пригодился по назначению. Сы Юй был уверен, что его спутник просто перебирает листы рисовой бумаги в поисках нужного, и совершенно не заметил, что Цзун Жуй через отражение пристально наблюдает за ним.

— Снова «Шанлинь»? — негромко произнес Сы Юй. — Сколько тебя помню, ты всегда любил выводить именно эти строки.

Лицо Цзун Жуй осталось бесстрастным, но в голосе проскользнули теплые нотки:

— К чему эти вздохи? Говоришь так, будто мы не виделись вечность.

— Глупости какие, — поспешно возразил Сы Юй. — Мы ведь каждый день вместе.

— Твоя правда... Кстати, на сколько ты оформил мне отпуск?

Разговор свернул слишком резко. Сы Юй на секунду замешкался, прежде чем ответить:

— На месяц.

На лбу Цзун Жуя залегла складка.

Когда Сы Юй только вошел, Цзун Жуй намеревался сразу спросить про больничный лист. Но в последний момент его словно что-то удержало, заставив мысленно вернуться к прошлому воскресенью. Сы Юй утверждал, что виной всему авария, но его поведение вызывало подозрения. Задать назревшие вопросы Цзун Жуй тогда не успел — сознание помутилось, и он отключился.

Сейчас возлюбленный смотрел на него точно так же. Конечно, глупо было верить, что стоит ему заговорить об этом, как он снова рухнет без чувств, но чередой странностей не давала покоя. Совершенно чужое постельное белье, не отвечающее вкусам их обоих, непонятные пометки на листах каллиграфии, переполох в соседском чате из-за какого-то чудака, величавшего себя «императором» и поносившего «чернь»... Все эти детали складывались в пугающую картину.

Цзун Жуй мысленно рассуждал:

«Допустим, я попал в аварию, повредил голову и в бреду нес околесицу. Но с какой стати мне требовать, чтобы люди падали передо мной на колени? Неужели я возомнил себя императором?»

Ладно, «император» — полбеда, но у этого безумца откуда-то нашлись силы на бурную ночь. А Сы Юй? Зная, что у его мужчины сотрясение мозга и бред, он даже не попытался его остановить? Хотя, если подумать... видимых повреждений не было, вреда здоровью это не наносило, так что Сы Юй вполне мог уступить. Логика в этом была, но интуиция Цзун Жуя упрямо твердила: здесь что-то не так.

Припомнив, как рьяно Сы Юй уверял его, будто в квартире не бывало посторонних, Цзун Жуй прижал язык к нёбу. Подавив желание высказать все свои подозрения, он решил пока придерживаться безопасной темы с отпуском.

— Месяц — это слишком долго, — как бы между прочим заметил он. — Неужели на кафедре согласились?

Произнося это, он наконец выбрал подходящий лист бумаги и обернулся к Сы Юю.

Когда они встретились взглядами, Сы Юй держался гораздо увереннее, чем мгновение назад в

отражении.

— Конечно согласились, случай-то исключительный, — поспешил успокоить он. — Я все разузнал: твои лекции частично перенесли, частично передали другим преподавателям. Так что, как поправишься, придется проставить коллегам хороший ужин в знак благодарности.

Цзун Жуй усмехнулся:

— Да уж, долг платежом красен. Хотя я чувствую себя прекрасно, — и это была чистая правда: если не считать внезапных обмороков и провалов в памяти, его ничего не беспокоило, а мысли оставались кристально ясными. — Думаю, смогу вернуться к работе раньше срока.

— И думать не смей! — отрезал Сы Юй. Осознав, насколько резко прозвучал его отказ, он поспешно смягчил тон: — Врач сказал, что все очень серьезно. Сейчас тебе кажется, что все в порядке, но я безумно боюсь осложнений...

Цзун Жуй не выдал своего удивления:

— Настолько «серьезно»?

— Да, — твердо кивнул Сы Юй. — Подожди минутку, я принесу твои снимки и карту.

Он поспешно покинул кабинет. Судя по звукам, ушел в спальню.

Цзун Жуй в растерянности замер у стола.

«Неужели я сам себя накрутил?» — подумал он. В голову ведь уже лезли дикие мысли о раздвоении личности и о том, что в его теле поселился кто-то чужой. Однако Сы Юй держался так искренне и уверенно, что прошлый обморок и впрямь казался обычной случайностью, а все подозрения — результатом его собственной излишней мнительности.

Вскоре Сы Юй действительно вернулся, шурша плотным конвертом со снимками. В руках у него также было медицинское заключение — то самое, которое Цзун Жуй так и не смог отыскать. Сам он в медицине не смыслил, поэтому сразу принялся читать выписку. В графе «диагноз» и впрямь значалось: «кратковременная потеря памяти на фоне травмы». Ниже шла строгая рекомендация: «постельный режим и освобождение от работы на один месяц».

Сы Юй с тревогой заглянул ему в лицо и тихо проговорил:

— Жуй-гэ, ты не представляешь, как я испугался, когда мне позвонили из больницы. Сейчас тебе лучше, но память все равно возвращается урывками. Не торопись на кафедру. Вдруг ты прямо на улице забудешь, кто ты такой? Как я тебя тогда найду?

В мыслях же Сы Юй в этот момент яростно кричал:

«Тунтун! Раз у тебя была готова эта липовая справка, почему ты не выдал ее в прошлый раз, когда Жуй-гэ очнулся? Я чуть со страху не умер!»

Не успел он закончить мысль, как в его сознании раздался бесстрастный механический голос:

[Система также совершает погрешности в расчетах]

«Мне вообще кажется, что после завершения финальной миссии ты сильно сдала в интеллекте», — мысленно проворчал Сы Юй.

Ответа не последовало. Поняв, что от системы больше ничего не добьешься, Сы Юй мысленно вздохнул и принялся с замиранием сердца следить за реакцией Цзун Жуя.

Спустя долгую минуту тот тихо произнес:

— Ладно.

Раз уж на руках была официальная бумага из больницы, Цзун Жуй больше не удивлялся, как ему так легко согласовали отпуск. Раз врачи настаивали на покое, глупо было спорить.

— Я заглянул в чаты, — натянутая струна в его груди наконец ослабла, хотя смутное беспокойство никуда не делось. Впрочем, больше расспрашивать он не стал и ровным тоном добавил: — Раз уж ты сразу не рассказал родителям о случившемся, то и сейчас не стоит. Незачем их волновать.

Сы Юй послушно кивнул:

— Хорошо.

— И еще кое-что, — Цзун Жуй замялся, подбирая слова. Вспоминать переписку соседей было неловко. — Тот человек из чата жильцов... который величал себя «императором»... Это ведь был я?

Взгляд Сы Юя мгновенно застыл.

Заметив это, Цзун Жуй сразу понял: дело нечисто.

Он не слышал, как Сы Юй в панике кричал системе:

«Да откуда в соседском чате эти бредни?! Что теперь делать? Если Жуй-гэ догадается о других личностях, пиши пропало! Тунтун, ты же сама говорила: если он все поймет, слияние сорвется!»

Заметив замешательство на лице партнера, Цзун Жуй попытался сгладить неловкость и натянуто улыбнулся:

— Наверное, все-таки не я. У нас в доме полно других преподавателей...

Договорить он не успел. В глазах резко потемнело, навалилась удушливая, тяжелая дурнота. Пальцы разжались, и кисть с глухим стуком покатила по полу. Угасающим сознанием Цзун Жуй успел схватиться за безумную мысль:

«Неужели мои обмороки... запускаются всякий раз, когда Юй начинает паниковать?»

Абсурд.

В здравом уме Цзун Жуй никогда бы не додумался до такой нелепицы. Но перед самым обмороком мысли бьются в голове, словно испуганные светляки в темноте, совершенно не подчиняясь логике.

Но даже если это правда...

Додумать он не успел. Разум поглотила привычная глухая темнота. Впрочем, этот опыт уже не пугал его так сильно, как в первый раз.

Пробуждение наступило быстро — казалось, миновало всего мгновение, и он снова распахнул глаза. В воздухе по-прежнему витал приторно-сладкий аромат, хотя теперь он сделался гораздо бледнее.

Постель рядом пустовала. В квартире стояла тишина, зато с улицы доносился привычный городской гул. Цзун Жуй без труда различил доносящиеся из сквера бодрые ритмы уличных танцев, гул проезжающих по проспекту машин и далекий детский смех.

Он не стал спешить. Продолжая лежать на спине, Цзун Жуй уставился в потолок. События двух предыдущих пробуждений проносились перед его внутренним взором, напоминая тугую, запутанный узел. Собрав волю в кулак, он попытался методично разложить факты по полочкам.

«Успокойся, — приказал он себе. — Наш мир материален. Здесь не может происходить ничего сверхъестественного...»

Но внутренний голос ядовито возразил:

«Ты ведь и в прошлый раз уверял себя, что до мистики не дойдет. И что стряслось? Все произошло в точности по этому дикому сценарию!»

Дыши. Успокойся.

Нужно заново сопоставить все известные факты. Провал в памяти, начавшийся с восьмого числа. Его собственное безумное поведение в эти дни, когда он величал себя «императором»... Нервная ложь Сы Юя, безупречно оформленный больничный лист и...

Внезапно Цзун Жуя осенило.

Он резко сел на постели. Телефона рядом не оказалось — видимо, тот так и остался в кабинете. Впрочем, сейчас мобильный его не интересовал. Каким бы долгим ни был очередной провал в памяти, какие бы секреты ни скрывал его парень, прямо сейчас Цзун Жуй должен был лично подтвердить одну догадку.

Подойдя к двери спальни, он, как и прежде, бесшумно приоткрыл ее. Но если в прошлый раз он просто оберегал сон Сы Юя, то теперь действовал скрытно, желая выяснить правду без свидетелей.

Фортуна оказалась на его стороне: в гостиной было пусто.

«Ушел?» — промелькнула мимолетная догадка.

Не теряя ни секунды, Цзун Жуй скользнул в кабинет.

Обстановка здесь оставалась прежней, разве что на письменном столе навели идеальный порядок: исчезла исписанная рисовая бумага, пропали кисти и тушь.

Сердце тревожно екнуло. Цзун Жуй поспешно шагнул к столу и выдвинул ящик. Лишь когда он увидел внутри знакомые вещи, его дыхание наконец выровнялось.

Было очевидно, что письменные принадлежности прятали в спешке: кисть даже не потрудились отмыть, и тушь на кончике успела намертво засохнуть. Но Цзун Жуя это мало заботило. Он решительно вытащил из-под пресса стопку рисовой бумаги и принялся быстро переворачивать страницу за страницей.

Сверху лежали листы со странными царскими резолюциями, но сейчас ему было не до оценки каллиграфического изящества незваного гостя. Цзун Жуй листал дальше, приближаясь к той самой странице, на которой оборвалась его память. Наконец он затаил дыхание.

На самом деле подозрений у него было куда больше, чем он показывал. Хоть Цзун Жуй и сделал вид, что поверил истории с больничным листом, перед уходом Сы Юя он успел кое-что предпринять.

В самом конце страницы, где была выведена большая часть оды «Шанлинь», он добавил три лишних иероглифа. А когда Сы Юй приблизился, Цзун Жуй под предлогом того, что место закончилось, небрежно отложил исписанный лист в сторону. Поскольку классический текст занимал почти все пространство бумаги, а Сы Юй в тот момент смотрел только на его лицо, маленькая приписка осталась незамеченной.

Но то, что упустил из виду партнер, заметил кое-кто другой.

У Цзун Жуя пересохло в горле. Вглядываясь в бумагу, он задавался пугающим вопросом:

«Кое-кто другой... Но действительно ли это посторонний человек?»

Тогда он вывел три простых иероглифа:

«Кто ты?»

Теперь рядом с его аккуратными, выверенными знаками красовался чужой почерк — стремительный, летящий, полный дикой грации.

Незнакомец оставил ответ:

«Юнь Ваншу»

Юнь. Ван. Шу.

Очевидно, это было имя.

В одно мгновение в сознании Цзун Жуя пронеслось множество мыслей. Он припомнил когда-то прочитанные статьи о расщеплении личности, где разные «я» обладали индивидуальным сознанием и даже выбирали себе имена. Раньше он отмахивался от подобных диковинных диагнозов, но сейчас не мог найти более логичного объяснения происходящему.

И все же разум отказывался мириться с суровой реальностью. Цзун Жуй никак не ожидал, что, заснув обычным человеком, проснется в мире, где его привычная жизнь разлетелась на куски.

В раздумьях он случайно сдвинул верхний лист, и под ним обнаружилось продолжение. Оказалось, таинственный Юнь Ваншу оставил ему не просто имя — под ним скрывалось целое

послание, занявшее две страницы.

Взгляд Цзун Жуя дрогнул. Отогнав лишние мысли, он принялся внимательно читать строчку за строчкой.

<http://bllate.org/book/18254/1747884>